

А. И. Рупасов

ПОСОЛ ШВЕЦИИ В СССР РОЛЬФ СУЛЬМАН

В период Второй мировой войны и первые послевоенные годы пост посланника Швеции в СССР занимали четыре опытных карьерных дипломата: Пер Вильгельм Густав Ассарссон (1940–1944), Стаффан Сёдерблом (1944–1946), Гуннар Хэгглёф (1946–1947) и Рольф Рагнарссон Сульман (1947–1964). Первый был вынужден покинуть свой пост¹. Второй в выполнении своей миссии, согласно распространенному в шведской историографии взгляду, успеха не добился². Третий пробыл в Москве всего несколько месяцев³. К тому времени, когда в начале 1947 года Рольф Сульман, шеф торгового отдела МИД, был назначен новым посланником Швеции в СССР, эта страна, как стали понимать в Москве, перестала быть тем «захолустьем», о котором говорил осенью 1944 года в беседе с наркомом В. М. Молотовым В. С. Семенов (ставший в 1945 году политическим советником советской военной администрации в Восточной Германии), отказываясь от поста посланника в Стокгольме. В самой Швеции к назначению Рольфа Сульмана отнеслись с интересом. “Göteborgs-Posten” писала по этому поводу, что Сульман со студенческих лет очарован Россией, «этот его интерес к России — не просто бледная заинтересованность, присущая членам студенческого общества “Клартэ”, а действительно живой интерес к русским людям и русским условиям. Он просто любит русских за их человеческие качества, а Россию — за ее величие и особый характер»⁴.

В рамках исследовательской программы «Швеция в период холодной войны» Матс Карлссон в 1999 году опубликовал небольшую работу под названием «Наш человек в Москве»⁵. Поясняя причины, побудившие его об-

ратиться к этой личности, Карлссон писал, что, во-первых, Сульман в первые послевоенные годы занимал важный пост посла в Москве, а во-вторых, пользовался большим доверием главы МИД Эстена Ундена⁶. Карлссон ставил перед собой цель — выяснить взгляды Сульмана на Советский Союз и то, насколько обоснованной была направленная против Сульмана критика, особенно со стороны других шведских дипломатов. При этом Карлссон сделал существенную оговорку: он не ставит своей целью выяснение того, насколько рекомендации Сульмана учитывались Министерством иностранных дел. Хронологически (и, как представляется, не вполне обоснованно) Карлссон ограничился узким периодом — 1947–1950 годами, хотя уместным было расширить как верхнюю, так и нижнюю границу этого периода.

Рольф Сульман родился 24 октября 1900 года в Карлскуга. Его отец, Рагнар Сульман, был дружен с семейством Нобелей со времени учебы в Королевском технологическом институте (**Kungliga Tekniska högskolan**) в конце 1880-х годов, когда он познакомился с сыном Роберта Нобеля Людвигом и позже — в 1888 году — вместе с ним поехал в Баку. В 1890–1893 годах Рагнар Сульман работал в Америке, а в 1893 году стал помощником Альфреда Нобеля и одним из его доверенных лиц. Позже — директором предприятия Нобелей в Буфорсе. В 1896 году, согласно завещанию Альфреда Нобеля, стал его душеприказчиком. В течение ряда последующих лет он был поглощен организацией Фонда Нобеля, а в 1929–1946 годах был исполнительным директором этого фонда.

Впервые его сын Рольф оказался в России в начале 1920-х годов, студентом университета в Уппсале. Рольф принял участие в проводимой под эгидой Лиги Наций кампании помощи России, на огромных территориях которой разразился страшный голод, и приехал с нансеновской миссией в Крым, еще недавно бывший ареной ожесточенных боев красных и белых и на территории которого теперь устанавливала свои порядки советская власть. В Крыму теперь господствовали нищета, тиф и голод. 16 февраля 1922 года на заседании президиума ВЦИК Крымскую ССР официально признали районом, охваченным голодом. К маю на полуострове от голода умерло около 75 тыс. человек. Русским языком в то время студент Сульман не владел, разговорным для него был французский язык⁷.

В Симферополе, в Крымском университете⁸, он познакомился с профессором Яроцким и его супругой Ниной Владимировной (урожд. Винберг). Общение облегчало то, что профессор, несколько лет проживший во Франции, свободно говорил по-французски. Имя выдающегося терапевта профессора Александра Ивановича Яроцкого (1866–1944) было хорошо из-

вестно не только в России, но и в Европе. В 1889 году он окончил Военно-медицинскую академию и долгое время работал в больницах Петербурга. В 1919–1924 годах А. И. Яроцкий — профессор Крымского университета, а с 1924 года — сверхштатный профессор I Московского государственного медицинского университета. Яроцкий был известен разработкой основных принципов терапии язвенной болезни желудка, которые в то время нашли применение в лучших европейских клиниках. До революции ему довелось некоторое время проработать во Франции, в Институте Пастера.

С одной из дочерей Яроцких, Зинаидой, у Рольфа сложились теплые отношения, переросшие в роман. Вернулся в Уппсалу он, однако, один. В 1923 году он поехал в Париж в Institut des Hautes Etudes Internationales Сорбонны, который окончил только в 1927 году. Затягивание учебы в Париже было обусловлено неважным состоянием здоровья Рольфа Сульмана: ему пришлось лечить туберкулез в разных европейских санаториях. Воспоминания о Зинаиде не покидали его, и в 1926 году Сульман обратился к советским властям с просьбой о предоставлении ей визы на выезд в Париж. В следующем году они поженились и переехали в Швецию. Тогда же началась его дипломатическая карьера — с должности атташе в МИД Швеции. В 1928 году ему довелось работать в шведской миссии в Риге, в 1929-м — в Генеральном консульстве в Лондоне, в 1931-м — Временным поверенным в делах в Варшаве. В 1931 году он вернулся в Стокгольм и занял должность второго секретаря, проработав там до 1934 года. Затем он был назначен вторым секретарем шведской миссии в Риме. Там же он в 1936 году получил очередное повышение — стал первым секретарем миссии. В этом же ранге он с 1938 года работал в Париже, а в 1939-м — шефом одного из бюро в МИД Швеции. Почти весь период Второй мировой войны (с 1939 по 1944 год) он работал под началом шефа торгового департамента МИД Гуннара Хэгглёфа, заменив последнего на этом посту в 1944 году. Именно во время работы в этом департаменте ему довелось заниматься делами, связанными с Советским Союзом, в том числе переговорами, проведенными в 1946 году, о предоставлении кредита в 1 млрд шведских крон (около 238 млн долларов) и заключении торгового договора.

МИД Швеции летом 1945 года возглавил Эстен Унден. У Сульмана с новым министром сложились доверительные отношения. Совпадение их взглядов по многим вопросам, особенно касающимся отношений с Советским Союзом, отмечали многие сотрудники центрального аппарата МИД. Причем это было не только совпадение взглядов, но и влияние Сульмана на Ундена. Пожалуй, следует говорить о совпадении взглядов этих двух

дипломатов по ряду аспектов советской внешней и отчасти мировой политики. О влиянии, пожалуй, говорить не стоит, особенно применительно к 1950-м годам. Скорее Унден находил в наблюдениях Сульмана некоторое подтверждение своих выводов. В частности, как отмечал Улоф Крунвалль, он рассматривал внешнюю политику СССР в послевоенные годы как в основе своей оборонительную, как стратегию по предотвращению американского нападения и созданию условий для повышения возможностей обороны⁹. Иного мнения его подчиненный не высказывал.

Высший кадровый состав МИД Швеции в то время условно подразделялся на две группы. К одной можно было отнести шефа политического департамента Свена Графстрёма, позже ставшего представителем Швеции в ООН, а также послов К. И. Вестмана и Э. Бухемана, которые не скрывали критического отношения к политике Ундена на протяжении всего периода, когда он возглавлял министерство, в том числе и по отношению к Советскому Союзу. Бухеман, шведский посол в США, считал кандидатуру Сульмана неподходящей для столь ответственного поста, как должность посла в Москве, вследствие не критичного отношения последнего к внешней политике Советского Союза¹⁰. Когда в начале 1949 года до Бухемана дошли слухи о желании Ундена назначить Сульмана секретарем МИД, он направил письмо премьеру Таге Эрландеру, чтобы воспрепятствовать этому назначению. К другой группировке принадлежали относившиеся более лояльно к Ундену послы Г. Хэгглёф и Х. Эрикссон. Шведский посол в США Эрикссон в одной из бесед с Хэгглёфом в 1947 году сказал, что «дорогой Рольф столь интенсивен в своих стараниях развивать наши дружественные отношения с Москвой, что я, как посол в Вашингтоне, начинаю тревожиться»¹¹. Иными словами, для всех вышеупомянутых лиц было свойственно в той или иной степени неприятие политических взглядов Сульмана.

С проблемами советско-шведских отношений Сульману в той или иной степени приходилось иметь дело в ходе Второй мировой войны — через торговый отдел МИД, в котором он работал, проходило немало информации. С самого начала, когда в конце лета 1944 года в Стокгольме (в МИД и среди экспортеров) стали обсуждаться различные аспекты послевоенных торговых отношений с Москвой, в частности предоставление ей крупного подтоварного кредита, Сульман был в центре происходивших дискуссий.

Взгляды Сульмана на Советский Союз после окончания Второй мировой войны характеризует его мнение, высказанное в беседе с Гуннармом Хэгглёфом в конце 1945 года в Париже. Сульман обмолвился, что не считает русских более агрессивными, чем западные державы, что русские будут

обеспокоены в будущем исключительно своей безопасностью. И объяснил свое мнение: СССР потребуется много лет, чтобы восстановиться.

Назначение Рольфа Сульмана на пост посланника в апреле 1947 года (осенью стороны возвели дипломатические миссии в ранг посольств, и Сульману довелось вторично вручать свои верительные грамоты) состоялось именно в тот момент, когда отношения между Советским Союзом и западными державами достигли такой степени неприятия, что стало понятно: от проводившейся ранее шведским правительством так называемой политики наведения мостов придется отказаться.

За полтора месяца до приезда Сульмана в Москву президент США Гарри Трумэн произнес свою знаменитую речь. 12 марта 1947 года в конгрессе он заявил: «Мы должны поддерживать свободные нации, их демократические учреждения и их национальную целостность против агрессивных поползновений со стороны тоталитарных режимов, подрывающих мир во всем мире путем прямой или косвенной агрессии, и, следовательно, безопасность Соединенных Штатов <...> Я полагаю, что мы должны помочь в освобождении народов, чтобы они сами могли решать свою собственную судьбу».

Столь откровенное постулирование настоятельной необходимости глобального противостояния Советскому Союзу означало для Швеции, что “*brobyggarpolitik*” должна стать достоянием прошлого. На смену ей пришла политика нейтралитета Швеции — отказа от присоединения к любому блоку. В отношениях с СССР это предполагало в качестве одной из целей создание атмосферы доверия в двусторонних отношениях, но вместе с тем (поскольку не отрицалась возможность для Швеции оказаться объектом нападения со стороны Советского Союза) и выработку комплекса мер, направленных на предотвращение такого развития событий («стратегия устрашения», требовавшая, в частности, создания сильной обороны и соответственно значительных бюджетных затрат, а также поддержания определенного уровня отношений в военной сфере с блоком НАТО, особенно со вступившими в 1949 году в эту организацию Данией и Норвегией).

Вместе с тем европейские государства, среди которых была и Швеция, решившие решать свои проблемы безопасности, придерживаясь политики нейтралитета, оказались в сложном положении из-за начинавшегося процесса европейской интеграции, так как интеграция с неизбежностью становилась частью блокового конфликта. В 1947 году в Плане Маршалла только проглядывалось зарождение европейских интеграционных процессов, но уже и это ставило перед Швецией проблему сохранения суверенитета, а пе-

ред Советским Союзом — серьезные сомнения в возможности сохранения Швецией нейтралитета.

Сульман с его взглядами на Россию и Советский Союз вполне подходил на роль человека, способного создать желаемую атмосферу доверия в общении с советским политическим руководством и МИД СССР. Глава МИД Я. А. Вышинский (претендовавший на роль князя Федора Юрьевича Ромодановского — «превеликого нежелателя добра никому») в декабре 1951 года высказал о Сульмане следующее мнение: «Очень симпатичная личность», эту оценку можно рассматривать как подтверждение того факта, что шведский посол справлялся с возложенной на него задачей.

Весь период пребывания на посту посла Швеции в СССР Сульману доводилось решать острые проблемы, возникавшие в двусторонних отношениях: от неоднократных шпионских скандалов, проблемы границ советских территориальных вод в Балтийском море, многочисленных задержаний шведских рыболовецких судов советской пограничной охраной, компенсации Швеции за утраченную на территории Прибалтики собственность шведов, сбитых шведских самолетов над Балтикой до устранения вызываемых у советской стороны подозрений в истинных намерениях шведского правительства относительно Плана Маршалла, проекта Шумана, иными словами, в отношении любых европейских интеграционных проектов, не говоря уже о переговорах о заключении Скандинавского оборонительного союза. По поводу последнего у Сульмана состоялась беседа с заместителем министра иностранных дел В. А. Зориным. Сульман, отвечая на сентенции Зорина по поводу переговоров между Швецией, Данией и Норвегией о создании Оборонительного союза, сказал: «...в Стокгольме нервы, вообще, крепче, чем в некоторых других европейских столицах <...> Действия шведского правительства в данном случае продиктованы не страхом, а стремлением к мирному сосуществованию в Балтийском море». Зорин «мимоходом, шутя, заметил, что состояние нервов гражданских лиц в Швеции» ему неизвестно, «но нервы шведских военных, по-видимому, не в порядке, судя по заявлениям, которые они делают в последнее время». В ответ он услышал: «...военные во всех странах похожи на нетерпеливых беговых рысаков». Сульман при этом предположил, что и в СССР дело обстоит также¹².

Для Сульмана политическое руководство СССР в осуществлении внешнеполитического курса было «грубо реалистичным и оппортунистичным». Кремль не положит жизни своих солдат на алтарь мировой революции, что отнюдь не исключает поддержки коммунистических движений за рубежом, приводил он в 1947 году мнение греческого посланника в Москве, явно

его разделяя. Что касается Швеции, то, несмотря на многочисленные негативные публикации в «Правде», «Новом времени» и т. д., в целом Москва положительно относится к шведскому нейтралитету. Доверие к политике Швеции несравнимо с тем, которое в Кремле испытывают к любым другим западным демократиям. Он объяснял это, правда, дружескими чувствами, испытываемыми русскими к шведской социал-демократии (мнение не вполне обоснованное).

Насколько справедливы были упреки коллег Сульмана по поводу его некритичного отношения к Советскому Союзу? В начале 1948 года он направил Ундену доклад, посвященный избирательной системе Советского Союза. Его размышления по поводу феномена необычайного единогласия, проявленного избирателями на местных выборах в пяти советских республиках, когда 99,8 % проголосовали «за», у современного гражданина России, безусловно, вызвали бы удивление. Можно представить, как к ним в конце 1940-х годов относились в Стокгольме и в целом на Западе. Объяснение такому результату выборов, полагал Сульман, не следует искать в господствующей идеологии, надо учитывать исторический опыт русских. В древней славянской судебной системе «либерум вето» и подобные ему политические системы голосования не играли какой-либо роли, да и традиция православной церкви полна неприятия противопоставления решению большинства. Непокойная история русских привела к тому, что для простого человека выступление против большинства всегда стало означать риск оказаться объектом нападения чужого народа. Поскольку же советская пропаганда делала акцент на том, что единство народа, проявленное на предстоящих выборах, является залогом безопасности страны, то были задеты струны русской души.

Вместе с тем Сульман был уверен, что советская избирательная система фактически содержит зерно демократии, именно в том смысле, в каком понятие «демократия» воспринимается в Швеции. Он обращал внимание на подготовительные мероприятия к выборам, в которых было задействовано около 10 млн человек (в специальных комитетах по подготовке). Именно в этих комитетах происходило обсуждение кандидатур, и на этой стадии, как считал Сульман, центральные органы партии не вмешивались в дела, что создавало условия для высказывания (правда, в определенных границах) разных мнений о кандидатах. В целом Сульман не исключал развитие Советского Союза по пути подлинной демократии, несмотря на исторический опыт страны¹³. Едва ли Эстен Унден разделял такую оценку, так как исходил из того, что для стран «с пролетарской диктатурой» характерен

отказ от признания возможности соединения преобразований экономической структуры общества с сохранением подлинной политической демократии¹⁴.

Разумеется, вне поля зрения Сульмана не могли оставаться различные аспекты военной политики Советского Союза. Как правило, он обращался по этим вопросам к аппарату шведских военных атташе в московском посольстве, избегая при этом собственных оценок. Так, вызывавшие беспокойство в Скандинавских странах советско-финляндские переговоры о заключении договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи (февраль–апрель 1948 года) побудили Сульмана обратиться к своим коллегам-военным, чтобы оценить отношение военного руководства СССР к Северу Европы со стратегической точки зрения¹⁵. Полученное Сульманом заключение было отправлено в Стокгольм¹⁶. В нем констатировалось: «В случае, если начатые сейчас переговоры с Финляндией о пакте приведут к тому, что Финляндия в той или иной форме будет включена в число буферных государств, из этого будет следовать, что даже Швеция де-факто станет пограничным государством для советского блока государств. В силу этого проблема возможной стратегической оценки Советским Союзом Скандинавских стран приобретает снова свою актуальность». Авторы документа исходили из того, что в случае начала войны северная часть евразийского континента приобретет особое значение в качестве района базирования военно-воздушных сил, оружия дальнего действия и проведения необходимых оборонительных мероприятий.

Что касается действий советской стороны на Северо-Западе СССР, то поскольку Ленинград сохраняет свое важное значение для руководства страны (как символ и крупный промышленный центр), будут предприниматься меры по его обороне. В определенной степени это предопределяет особое значение региона Балтики как театра военных действий. Именно с него будет обеспечиваться фланговая поддержка операций, которые будут проводиться на Европейском континенте. В силу этого Советский Союз стремится к большему выдвигению в западном направлении своей линии стратегического форпоста и — в идеале — к использованию западного побережья Дании и Норвегии как своего рода «щита» против Запада.

Несмотря на постоянную критику шведского нейтралитета, в Москве надеются, что в случае военного конфликта Швеция сохранит свой нейтралитет. Однако встает вопрос: не считает ли советское руководство эвентуальное использование территории Скандинавии противником достаточно большой угрозой, настолько, чтобы служить обоснованием для превентив-

ной оккупации Скандинавии? Во многом это зависит от степени доверия Москвы скандинавскому и в том числе шведскому нейтралитету.

Посол Сульман, признававший, что не претендует на оценку суждений своих военных коллег, обращался к анализу других аспектов отношения Советского Союза к государствам Севера Европы. В июне 1948 года он проанализировал военный потенциал СССР. Оценив его высоко, он вместе с тем полагал, что СССР не может вести длительную войну¹⁷. Иначе как намек на стремление советского руководства избежать наихудшего варианта развития событий этот вывод не мог восприниматься.

В Посольстве Швеции в Москве вернулись к рассмотрению данной темы в ноябре 1948 года, когда военным атташе генерал-майором К. Юлин-Даннфельтом был подготовлен доклад «Некоторые военно-политические и стратегические аспекты с московского горизонта», которые он переслал в иностранный отдел штаба обороны Швеции¹⁸. Генерал полагал, что если в первые послевоенные годы советское руководство придерживалось, вероятно, мнения, что коммунистические движения в разных западноевропейских странах и прямая советская военная помощь позволят распространить власть Советского Союза над большей частью Европы, то теперь оно пришло к пониманию того, что такого рода политика рискует всеми революционными достижениями. Нерасположенность к Западу (еще с царских времен) сказывается и на понимании советским руководством проблем безопасности, когда сама западная культура воспринимается как одна из угроз, которой следует противостоять.

Военный атташе считал, что сильнейшим средством борьбы, к которому прибегает Москва, является «политическая подземная деятельность», которой противники Советского Союза ничего не могут противопоставить. «Скандинавский полуостров и Дания представляют собой чувствительные, неопределенные пункты в системе безопасности, выстраиванием которой занимается Советский Союз. Вполне естественно, что его руководство может считать допустимым рано или поздно присоединение Дании и Норвегии, а возможно, и Швеции к Атлантическому блоку и предоставление ими своих территорий для американских баз еще до войны или сразу с ее началом».

В дальнейшем Сульман регулярно пересылал руководству справки, подготавливавшиеся военными атташе. Так, в феврале 1951 года военноморской атташе Харри Энгстрём подготовил записку о значении балтийских проливов для русских¹⁹.

Сулман, исходивший из мнения о необходимости поддержания атмосферы доверия в двусторонних отношениях, вместе с тем трезво оценивал пределы сотрудничества Швеции и СССР. В частности, некоторым аспектам этого сотрудничества был посвящен его обширный доклад, посланный 8 сентября 1948 года Ундену²⁰. Посол считал естественным, что СССР будет поддерживать развитие торговли со странами Скандинавии, однако замечал, что Москва будет развивать эти отношения в определенных границах, чтобы избежать возникновения какой-либо зависимости. Что касается сотрудничества северных стран, то, как известно, напоминал он, советская сторона всегда выступала против него, и это отношение сохранится в будущем, особенно когда речь будет идти о сотрудничестве в военной сфере.

Объективно обусловленный тренд внешнеполитического курса Швеции на участие в интеграционных европейских процессах, начавшийся в 1947 году, обуславливал определенные рамки развития советско-шведских отношений. В отличие от отношений Швеции с Западом, в которых упор делался на содержательную сторону, в отношениях с Советским Союзом акцент ставился на формальной стороне, главной характеристикой которой выступала корректность. В определенной мере это облегчало работу Сульмана в Москве, но потребность в его рекомендациях сокращалась. Советское политическое руководство было сосредоточено на тех внешнеполитических проблемах, в решении которых Швеции доводилось играть далеко не заглавную роль.

¹ В конце 1943 года советскими властями он был объявлен персоной нон гра-та (причиной послужили обвинения в адрес шведского военного атташе капитана Ханса Нюгрена в том, что он передавал советские военные секреты германской стороне). Правительству Швеции советская сторона дала понять о желательности отзыва не только атташе, но и посланника.

² Так, К. Цетгерберг, например, полагал, что С. Сёдерблом прибег к неудачной стратегии в продвижении интересов Швеции в СССР: он стремился к широкому сотрудничеству между двумя странами, не осознавая, что Советский Союз теперь возводил собственную империю в Европе (заметим, что применительно к 1944–1946 годам суждение более чем спорное) и в силу этого в Москве крайне подозрительно относились ко всему западному, капиталистическому миру. Кроме того, в Москве знали о Сёдербломе как о человеке, испытывавшем симпатии к Германии, и в силу этого относили его к категории «пронацистов» (**Kent Zetterberg. Staffan Söderblom // Svenska diplomatprofiler under 1900-talet. Stockholm, 2001. S. 266–267).**

³ Гуннар Хэгглёф явно тяготился работой в Москве. «На самом деле человек в Москве настолько изолирован от зарубежного ежедневного комментированного хода событий, что тяжело, а то и невозможно иметь ясное представление о том, что на самом деле происходит в международной политике», — писал он Ундену в ноябре 1946 года (Кен О., Рупасов А., Самуэльсон Л. Швеция в политике Москвы. 1930–1950-е годы. М., 2002. С. 356).

⁴ Базаров С. Обзор шведской прессы за 1–31.03.1947, 12.04.1947 (Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0140. Оп. 38. П. 143. Д. 20. Л. 74).

⁵ *Karlsson Mats*. Vår man i Moskva. En studie över den svenske ambassadören Rolf Sohlmans syn på Sovjetunionen och dess utrikespolitiska intentioner 1947–1950 // *Forskningsprogrammet Sverige under kalla kriget*. Arbetsrapport № 10. Stockholm, 1999.

⁶ *Ibid.* S. 7.

⁷ Заметим, что когда он уже был послом в СССР, то в беседах с высокопоставленными чинами МИД СССР нередко предпочитал вести беседу на немецком языке.

⁸ В 1918 году в Симферополе состоялось открытие Таврического университета, инициатором которого был Соломон Самойлович Крым, занимавший в 1918–1919 годах пост премьер-министра Крымского краевого правительства. В феврале 1921 года университет был переименован в Крымский университет им. М. В. Фрунзе.

⁹ *Kronvall Olof*. Östen Undéns sovjetsyn och sovjetpolitik 1945–1962 // *Forskningsprogrammet Sverige under kalla kriget*. Arbetsrapport № 13. Stockholm, 2003. S. 35.

¹⁰ *Boheman Erik*. På vakt: Kabinetssekreterare under andra världskriget. Stockholm; Norstedt, 1964. S. 25.

¹¹ *Hägglöf Gunnar*. Fredens vägar 1945–1950. Stockholm, 1973. S. 130.

¹² Зорин В. А. Прием шведского посла Р. Сульмана и советника У. Кронвалля, 18.4.1949 (АВП РФ. Ф. 0140. Оп. 40. П. 155. Д. 5. Л. 10).

¹³ *Karlsson Mats*. Vår man i Moskva. S. 29–30.

¹⁴ *Kronvall Olof*. Östen Undéns sovjetsyn och sovjetpolitik 1945–1962. S. 39.

¹⁵ Rolf Sohlman till Assarsson, 23.3.1948 (UD. 1920 års dossiensystem. HP 1. Vol. 529).

¹⁶ Synpunkter på SSSR:s militärpolitiska läge och Scandinavien, sedda ur huvudsakligen sovjetisk synvinkel, 22.3.1948 (UD. 1920 års dossiensystem. HP 1. Vol. 529).

¹⁷ R. Sohlman — Ö. Undén, 29.6.1948 (UD. 1920 års dossiersystem. HP 1. Vol. 529).

¹⁸ *Juhlin-Dannfelt C. H.* Några militärpolitiska och strategiska synpunkter från Moskas horisont, 24.11.1948 (UD. 1920 års dossiensystem. HP 1. Vol. 530).

¹⁹ *Engström K. H. A. V. P. M.* angående Östersjöinloppens betydelse ur rysk synpunkt, 15.2.1951 (RA. UD. 1920 års dossiensystem. HP 1. Vol. 537).

²⁰ Rolf Sohlman — Ö. Undén, 8.9.1948 (UD. 1920 års dossiensystem. HP 1. Vol. 529).